

Т.А.Гридина
Екатеринбург

Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры

Изучение психологической реальности значения слова как совокупности его ассоциативных связей, представленных в сознании конкретного носителя языка, – одна из основных проблем психолингвистики, акцентирующей внимание на «человеческом факторе» речевой деятельности. В связи с этим особый интерес приобретает анализ разных форм лингвокреативного мышления, которое базируется на ассоциативных механизмах, выявляющих зоны актуального и личностного смысла в интерпретации говорящими значений вербальных единиц.

Среди разных показателей лингвистической креативности наибольшим рейтингом, несомненно, обладает *языковая игра* (ЯИ) – удивительный по своей многоликости феномен, отражающий потенциал языковой системы и уровень активности и компетенции языковой личности, осознанно вступающей на путь разрушения языкового канона.

Общая стратегия ЯИ связана с актуализацией и преднамеренным переключением, ломкой ассоциативных стереотипов восприятия лексемы как единицы коллективного и индивидуального сознания. Нарушение «привычных» форм выражения мысли достигается с помощью специальных лингвистических приемов, моделирующих соответствующий замыслу говорящего ассоциативный контекст восприятия знака. Соответственно игровая трансформация требует «считывания» лингвистического кода, который направляет ассоциации адресата в нужное русло и эксплуатирует нереализованный потенциал языковой системы, «востребованный» креативной личностью.

Субстанциональная природа ЯИ определяется, таким образом, ассоциативным потенциалом единиц языка, в том числе *ассоциативным потенциалом слова* (АПС), в понимании которого мы исходим из постулата о «бесконечной интерпретационной валентности языкового знака» (А.Ф. Лосев) и из широкой трактовки ассоциативной связи, проявляющей *любые актуальные* для сознания носителей языка аспекты содержания и формы

вербальных единиц (как в зоне внутрисистемных – междусловных и внутрисловных отношений, так и в зоне речевого прогноза, связанной с актуализацией компонентов ядра, ближней и дальней периферии слова) [Гридина 1996]. АПС в этом смысле может быть представлен в виде всей совокупности формально-смысловых ассоциаций, присущих слову как единице языка и индивидуального сознания говорящих и определяющих возможность его разнообразной интерпретации в конкретном акте порождения, употребления, восприятия (в том числе при установке на ЯИ). Последняя рассматривается нами как специфическая форма лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах.

Эффект ЯИ зависит от глубины и оригинальности актуализируемых с ее помощью ассоциативных связей и от способности адресата опознать лежащий в основе «игремы» (термин наш. – *Т.Г.*) языковой прототип. Конструктивные принципы ЯИ (ассоциативное наложение, ассоциативная интеграция, ассоциативная выводимость, ассоциативная идентификация, имитация, ассоциативная провокация [см. Гридина 1996]) стимулируют восприятие нового (смоделированного тем или иным нестандартным способом) лингвистического объекта как в определенном отношении сопоставимого, соотносительного, «сравнимого» с каким-то прототипом, однако «...черты сходства являются периферийными и второстепенными по отношению к природе или подчеркиваемой характеристической особенности сопоставляемых лингвистических феноменов» (Г.Г. Почепцов).

Иначе говоря, специфика игровой «трансформы» требует ее осмысления в условно-реальном измерении: правдоподобие единицы ЯИ является мнимым и лишь имитируется на основе ассоциативных аналогий, актуализированных с помощью смоделированного лингвистического кода интерпретации знака.

Формальный и/или семантический коды ЯИ обнаруживает тенденцию к автономной актуализации плана выражения и плана содержания знака, которые могут намеренно «разводиться» и «сближаться» в заданном потенциалом языка и компетенцией говорящих речетворческом диапазоне. Этот процесс, характеризующийся выходом за рамки «дозволенного» нормой, метко характеризуется Б.Ю. Норманом как «игра на гранях языка»

[Норман 2006]. ЯИ в частности моделирует новое содержание в рамках уже готовых языковых форм и выявляет психологическую природу восприятия семантической нагруженности звуковой оболочки и структурной модели слова.

Так, **формальный** лингвистический код ЯИ, основанный на актуализации **фонетических** и **структурных аналогий**, нередко используется в целях парадоксальной семантизации узуальных слов. Например, *модуль* «франт» (ср. *модник*), *капелла* «пипетка» (буквально «инструмент для закапывания капель»), *сметана* «дворничиха» («та, что подметает двор», ср. *сметать пыль, мусор*), «отличник» (буквально «сметливый ученик»), *колун* «фехтовальщик» (буквально «тот, кто колет, наносит уколы шпагой) и т.п. Подобные псевдотолкования получили с легкой руки Б.Ю. Нормана и его коллег, опубликовавших в свое время на страницах «ЛГ» шуточный «Этимологический словарь», статус популярного юмористического жанра. «Значения» узуальных слов моделируются путем сближения с подобранным по случайному созвучию ассоциатом-мотиватором; последний выступает элементом ономаσιологической пропозиции, имитирующей определенный принцип номинации. В приведенных примерах имитируются в частности принципы (и структурные модели) номинации лица по склонности к какому-либо действию и предмета по производимому им действию. При этом членение слова (особенно немотивированного – деэтимологизированного или заимствованного) нередко принимает абсолютно произвольный характер: в качестве опорного компонента толкования выступает квазикорень (фонетически сходный сегмент сближаемых слов), а остаточный сегмент интерпретируемого слова «приравнивается» к аффиксу (чаще суффиксу), который (независимо от формального совпадения или несовпадения с существующим в языке формантом) наделяется в структуре имитируемой модели значением некоего словообразовательного «аналога»: *модуль* – *мод* + *уль* (ср. *мод* + *ник*). В случае произвольной семантизации мотивированных слов создается прецедент наполнения словообразовательной структуры новой идиоматикой при переключении тематической специализации форманта и омонимической (омофонической), паронимической или полисемантической ассоциативной подмене корня: *лимонница*

«миллионерша» (от *лимон* в значении «миллион» + *-ниц* в значении «лицо жен. пола», буквально «владелица миллиона(ов)»); «сберкасса» (от *лимон* + *-ниц* в значении «помещение, где можно хранить миллион(ы)»), «гранатометчица» (от *лимонка* с усечением основы + *-ниц* со значением «лицо жен. пола», буквально «та, что может метать гранаты-лимонки»). Как видно из этих примеров, «корень» *лимон* варьирует в диапазоне омонимических значений (фрукт – миллион – граната), суффикс – в тематическом диапазоне «лицо – предмет».

ЯИ, основанная на принципе ассоциативной выводимости, в таких случаях эксплуатирует потенциальную вариативность словообразовательных структур, допускающих проведение через одну и ту же форму разных когний. Не случайно в детской речи мотивационно «прозрачные», но обладающие идиоматичностью семантики слова, нередко получают иную, чем в узусе, смысловую интерпретацию: *секретарша* – «та, что секретничает», *пилотка* – «летчица», *индусы* – «те, кто разводит индюков», *кустарник* – «сторож, который караулит кусты», *баранка* – «жена барана», *графин* – «муж графини», *гусеница* – «жена гуся» и т.п. Подобные инновации могут возникать и как следствие детского словотворчества (окказиональной словообразовательной омонимии), когда образованное ребенком слово формально совпадает с уже существующим в языке, и в результате приспособления «готовых» узуальных слов к собственному пониманию ребенка. В частности для детей актуальны пропозиции «муж – жена» при осмыслении родовых различий между словами, называющими не только одушевленные, но и неодушевленные предметы («семейная аналогия»), а также извлечение из названия «информации» о роде занятий того или иного лица, функции предмета и т.п.

Ср. результаты проведенного нами эксперимента, в котором испытуемым (школьникам и студентам) было предложено дать «новые» толкования ряда слов с неясной внутренней формой и мотивированных лексем с «неопределенным», неизвестным информантам значением: *забрало* «телефон-автомат», «воркарманник», «милиционер»; *зеленушка* «зеленая травка», «зеленка», «лягушка», «кислое яблоко», «больной ветрянкой» и т.п.

Экспериментальные данные показали, что ассоциативный поиск нового толкования слова значительно облегчается при незнании его значения и наличии у него прозрачной словообразовательной структуры. В то же время реинтерпретация немотивированных или мотивированных наименований, значение которых информантам известно, требует **больших** усилий, проявляя такие черты креативности языковой личности, как «оригинальность» – способность продуцировать отдаленные ассоциации); «семантическая гибкость» – способность выделить функцию стимула и предложить его новое использование; «образная адаптивная гибкость» – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности; «семантическая спонтанная гибкость» – способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации (Трик. Цит. по [Хрестоматия...: 298-303]).

Ср., например, явно ориентированные на ЯИ толкования типа *лимонница* «дорогая поездка в Ниццу» (при использовании принципа омонимической подмены значения реальной корневой морфемы *лимон* и произвольного омофонического отождествления суффикса с квазикорнем, созвучным слову *Ницца*: *лимон* «миллион» + *Ницца* «дорогостоящий курорт»); *забрало* и ассоциат *отдало-вернуло* (актуализация и переключение грамматического стереотипа: обыгрывание омонимии структурной модели существительного и формы ср. рода прош. вр. глагола), *зеленушка* «первоклассница» (обыгрывание многозначности корневой морфемы) и т.п.

Формальный код ЯИ **актуализирует преимущественно периферийные компоненты содержательной структуры слова, его лексический фон.** Это хорошо видно при анализе игрового контекста так называемых загадок-шуток, построенных на намеренном рассогласовании лингвистически смоделированной и реальной внеязыковой ситуации. Ловушка заключается в том, что сформулированный в загадке вопрос не соответствует логике вещей и стимулирует адресата к поиску ответа на основе собственно языковых (формальных) ассоциаций.

Например: *Когда лес бывает закуской? – Когда он сыр.*

В вопросе задается ложно ориентирующая относительно свойств объекта предикация (*Лес бывает закуской*). Осознание

парадокса данной посылки заставляет искать ключ к отгадке в области языковых ассоциаций: ср. цепочку, позволяющую через ряд промежуточных шагов установить ассоциативную корреляцию между стимулом *лес* и реакцией *закуска*: *лес* – *бор* (синонимическая замена) – *сыр-бор* (устойчивое выражение с кратким прилагательным от *сырой*) – *сыр* (омоформа к краткому прилагательному, ср. сыр «молочный продукт» = *закуска*). Таким образом, ЯИ задает направление такого ассоциативного поиска, в котором должна «сработать» периферийная (фондовая) связь слова *сыр* с его омоформой в составе устойчивого выражения. Конструктивным принципом ЯИ выступает в данном случае ассоциативная идентификация лексем (*лес* – *закуска* : *сыр-бор* – *сыр*) на «ложном» семантическом и формальном основаниях. При этом формальный код ЯИ представлен в скрытом (латентном) виде и его дешифровка требует от адресата загадки-шутки высокого уровня лингвистической креативности (способности к считыванию игровой интенции разнонаправленной языковой природы).

Омофоническое переразложение не менее популярный прием ЯИ, эксплуатирующий свойство подвижности границ слова в потоке речи. «Ослышки» обнаруживают актуальность при восприятии речи именно тех фрагментов звукового потока, которые семантически релевантны для понимания сообщения конкретным адресатом (в соответствии с его когнитивным и лингвистическим опытом, в частности уровнем развития фонематического слуха как компонента языковой способности).

Например: *Сын у сына жил, а мать у сына жить не может. Почему?*

При первом «прочтении» (восприятии) фразы всплывает ее смысл, стимулирующий адресата к поиску «житейских оснований» для объяснения описанной ситуации (*кто у кого жил или не жил и почему*).

Другое «прочтение» фразы – *сын усы нажил, а мать усы нажить не может* – обнаруживает ее скрытый смысл (*У матери усов не бывает*). Формальный (омофонический) код ЯИ намеренно моделируется по принципу ассоциативной провокации, порождающей неоднозначность смысла высказывания.

Подобные ослышки (омофонические сбои) при восприятии высказывания на слух нередки в обычной речевой практике (спонтанном общении, не ориентированном на ЯИ) и демонстрируют несовпадение аспектов понимания высказывания говорящим и слушающим, часто вызывая комический эффект «постфактум».

Ср. разговор двух артистов:

– *По роли мне полагается петь.*

– *Это какие же пароли ты будешь петь?*

– *Да не пароли петь, а роль играть такую, где петь нужно!*

(Смеются оба собеседника).

Еще один пример спонтанного каламбура:

– *Она была лаборанткой и работала на кафедре Плотниковой, теперь уже Боровиковой* (имеется в виду смена заведующих кафедрой, где работала лаборантка).

– *Как? Плотникова теперь Боровикова?* (имеется в виду ситуация смены фамилии *Плотникова* на *Боровикова*).

Непонимание, обусловленное возможностью двоякого восприятия смысла первой фразы, вызывает комический эффект постфактум, когда участники диалога осознают несовпадение посыла и ответной реплики.

Семантический код ЯИ эксплуатирует подвижность ядерно-периферийных компонентов в структуре значения слова, нарушая типовой прогноз его реализации в речи.

Отметим некоторые типичные пути развития общей игровой стратегии переключения/ломки ассоциативных стереотипов употребления и восприятия узуальных лексем с использованием их семантического потенциала.

1. Актуализация и переключение оценочно-прагматических стереотипов употребления и восприятия слова на основе связи *денотат – коннотат – референт*.

Актуализация семантических потенциалов слова в заданном регистре обнаруживает возможность окказиональных речевых корреляций метафорического употребления единиц одной тематической группы: «*Ты не просто шляпа!*» – обращается девушка к молодому человеку. – «*Ты панамка детская!*»

Узуальным переносным значением «растяпа» обладает только слово *шляпа*. В основе метафорического переноса лежит

пропозиция «головной убор, обычно из мягкой ткани – фетра, велюра» и культурные коннотации «головной убор интеллигента», отсюда значение «нерешительный», «нерасторопный», «несобранный», «рассеянный» при употреблении слова *шляпа* в предикативно характеризующей функции. Окациональный смысл слова *панамка* имеет отраженный характер (наведен контекстом, в котором актуализирована та же модель метафорического переноса: *панамка* – о человеке, нерешительном и беспомощном, как ребенок – с акцентом на пропозиции «**детский** головной убор из тонкой **тряпичной** ткани»). Ассоциативная стратегия ЯИ эксплуатирует нереализованные возможности переносного употребления слов данной предметной области, имитируя узуальный метафорический коррелят.

Эффект ЯИ с оценочно-прагматическими стереотипами достигается также намеренным **смещением («сдвигом») референтной отнесенности слова**. Так, положительно окрашенные лексемы могут использоваться для характеристики объекта той же денотативной сферы, заведомо не обладающего приписываемыми ему оценочными параметрами: *Не забудь в командировку свои карбункулы взять* (о дешевых сережках), ср.: *карбункулы* – о драгоценных камнях / *Шикарная иномарка!* (о машине «Ока»), ср.: *иномарка* – о дорогостоящей, престижной машине. Употреблением слов с отрицательной коннотацией по отношению к положительно оцениваемым референтам создается ассоциативный контекст иронического контраста: *Это и есть твоя каморка!?* – о большой новой квартире. Ср. *каморка* – о тесной маленькой комнате.

«Плюс» и «минус» в ассоциативном контексте ЯИ часто меняются местами.

Популярным приемом актуализации и переключения оценочных стереотипов является также **намеренно парадоксальная мотивационная реинтерпретация слова**, придающая ему новую номинативную (и соответственно семантическую) функцию: *мироед* «знаменитый путешественник»; *непутевый* «тот, кто отдыхает без путевки, дикарем» (*Непутевые тоже хорошо отдохнули*). Оценочный контраст восприятия слова в сравнении с его исходным значением моделируется в таких случаях по

принципу ассоциативной выводимости (в результате отсылки к новому мотиватору).

Формальный и семантический коды ЯИ в таких случаях вступают в контакт: семантические ассоциации получают «подкрепление» на основе актуализируемых структурных аналогий (в современной разговорной речи как элемент ЯИ нами отмечено, например, слово *немобильные* «о тех, у кого нет мобильника», ср. жарг. *мобила* «сотовый мобильный телефон»).

2. Нарушение коммуникативного прогноза по принципу ассоциативной провокации: обыгрывание смысловой неоднозначности знака как единицы языка и речи, коллективного и индивидуального сознания.

Ассоциативный контекст, моделируемый на основе актуализации ситуативного (личностного) смысла слова в высказывании, переключает стереотипы системного «видения» знака (системную парадигматику и синтагматику).

Такова, например, обыгрываемая в анекдоте подмена родовых коррелятов, имитирующая ситуацию непонимания между коммуникантами:

По шоссе в сплошном потоке машин «ползет» такси. Пассажир обращается к шоферу:

– *Вы не могли бы передвигаться побыстрее?*

– *Я, конечно, мог бы, – отвечает шофер, – но во время работы нам нельзя выходить из машины.*

Глагол *передвигаться* как гипероним (родовое наименование) потенциально может употребляться в ситуативном контексте в значении любого из гипонимов (видовых глаголов, называющих вид и способ передвижения – *ехать, идти, бежать, ползти, лететь* и т.п.). «Несостыковка» просьбы пассажира и ответной реплики водителя задается психологически релевантным для каждого из собеседников аспектом содержания слова. *Передвигаться побыстрее* для пассажира означает «ехать быстрее», для шофера «идти пешком», что в обыгрываемой ситуации заключает в себе импликатуру «пешком идти быстрее, чем пытаться ехать на машине в пробке».

Ср. анекдот, описывающий диалог врача и пациента:

– *Доктор, я сломал ногу сразу в двух местах.*

– *Места запомнили?*

– Да.

– Ну, вот и хорошо. Больше туда никогда не ходите.

В реплике больного актуализирован ситуативный смысл *места перелома* (на теле), в реплике врача – ситуативный смысл *места, куда не следует ходить в целях безопасности* (территория, где можно получить травму).

В основе подобных «игровых» сбоев лежит некий логический парадокс, создаваемый нарушением семантической предсказуемости развертывания мысли в высказывании. Например, ведущий «Смехопанорамы», обращаясь к зрителям, объявляет: «В адрес передачи пришло **огромное количество писем**». После некоторой паузы добавляет: «**Оба** письма у меня». Семантическая функция числительного *оба* не соответствует указанию на большое (тем более *огромное*) количество писем. Ожидания адресата не оправдываются: ассоциативный стереотип семантической совместимости лексем в высказывании намеренно опрокидывается. Последняя реплика содержит импликатуру: «в адрес программы пришло всего два письма». Однако это обстоятельство намеренно представлено в виде фразы, которая имитирует ситуацию «успешности» и выполняет функцию шуточной рекламы в соответствии со спецификой жанра юмористической передачи.

Семантический «трюк», основанный на ложной ассоциативной идентификация смысла слова в высказывании, обыгрывает тот факт, что психологически релевантными для конкретных носителей языка могут выступать разные аспекты восприятия одной и той же лексической единицы.

Реализация принципа ассоциативной провокации часто связана с обыгрыванием многозначности слова, определяющей его разнонаправленные (центробежные) в ассоциативном плане реализации. Ср.: *Я хочу жить в рублевой зоне, в долларовой зоне, в валютной зоне, только просто в зоне жить не хочу / Сердце шалит, ноги шалют, руки шалют / Стоит ли стучать, чтобы войти в доверие? / История партии без права переписки / И лужи, бывает, производят глубокое впечатление* (афоризмы сатириков).

Широко используется в целях нарушения автоматизма восприятия высказывания и прием трансформации устойчивых вы-

ражений пословичного фонда. Считывание кода ЯИ в таких случаях апеллирует к релевантным для носителей языка социокультурным «проекциям» содержания фразем, представленных в новом ассоциативном контексте.

Ср.: *Хороша ложка «Цептер» к вкусному и здоровому обеду!* (радиореклама продукции фирмы «Цептер»).

Обыгрываемая пословица (*Хороша ложка к обеду!* – о необходимости все делать своевременно) трансформируется путем введения ситуативных конкретизаторов (брендового названия известной фирмы, которая специализируется на изготовлении посуды, а также положительно-оценочных ассоциатов к слову *обед*). Ассоциативное наложение буквального ситуативного смысла фразы и ее обобщенного переносного значения формирует у потенциального адресата рекламного слогана мотивацию к совершению покупки «без промедления».

Ср. шуточные игровые трансформы, полученные нами в экспериментальных условиях, когда респондентам (школьникам и студентам) было предложено заменить одно или несколько слов в составе устойчивых выражений: *Не в свою иномарку не садись* (замена компонента *сани* на ассоциат *иномарка*, выступающий в современной жизни символом обеспеченности, богатства, транслирует исходный смысл пословицы и одновременно придает ей новую ситуативную привязку). У школьников отмечены следующие трансформы этого же выражения: *Не в свою тачку не садись* («не ездят в чужой машине» – объяснение информанта) / *Не за свою парту не садись* («а то обязательно спросят» – комментарий школьника). Степень оригинальности таких трансформаций зависит от того, насколько точно считывается и насколько вписывается в новый контекст «прототипическая» семантика обыгрываемой фраземы. Эффект ЯИ обеспечивается нахождением «оппозитов» или «симиляров» (термины А.А. Залевской) к заменяемым компонентам устойчивого выражения.

3. Ассоциативная идентификация как принцип ЯИ с использованием дальней периферии значения слова (компонентов так называемого лексического фона).

Этот принцип развития общей стратегии ЯИ моделирует некий условный коррелят обозначаемого объекта, основываясь на

актуализируемых (весьма отдаленных) чертах формального и/или смыслового сходства отождествляемых единиц.

Таковы, например, разного рода аллюзии, актуализируемые при установке на ЯИ.

Ср., например, обыгрывание названий шоколадных батончиков «Марс» и «Сникерс» путем идентификации их фонетического облика с фамилиями «вождей мирового пролетариата»: *Карл Марс* и *Фридрих Сникерс*. Звуковое сходство *Маркс* и «Марс» и структурное сходство *Энгельс* и «Сникерс» – стимул для синтагматического введения названий-«этикеток» в русло иной ономастической семантики (при актуализации стереотипа совместного употребления прецедентных имен *Маркс* и *Энгельс*). Игровая трансформация содержит намек на рекламу, усиленно навязывающую потребителю мнение об исключительном вкусе и полезности этих батончиков и формирующую представление о них как неотъемлемых атрибутах современного стиля жизни молодого поколения.

При установке на ЯИ с использованием принципа ассоциативной идентификации актуализируются (обнаруживаются, эксплуатируются) возможности передвижения слова в рамках собственного семантического (тематического) поля.

Ср.: *Она (преподавательница) тем, кто на занятия ходит, не только «автоматы», но и «пулеметы» ставит, а тем, кто не ходит – расстрел!* (реплика студента). Актуализация ассоциативных связей в рамках буквального и метафорического отождествления слов одной семантической сферы предстает как операциональный механизм развертывания стратегии ЯИ (*автомат* – вид оружия и вид зачета; *пулемет* – тяжелое орудие и окказиональный метафорический коррелят, экспрессивный синоним слова *зачет-автомат*, ср. *расстрел* – обозначение ситуации, связанной с применением оружия, и метафорическая номинация «репрессивных» мер преподавателя по отношению к студентам, не посещавшим занятия в семестре).

Типичным формальным приемом парадоксальной идентификации является установление ассоциативных связей по законам паронимической аттракции и ложной этимологии. В результате таких идентифицирующих трансформаций нередко возни-

кают ситуативно связанные серии окказиональных номинаций. Ср., например, следующий диалог:

– *Олька, у тебя, наверное, авитаминоз, ты все ленишься....*

– *У меня не только А-витаминоз, но и В-витаминоз, ВСЕ-витаминоз!!!*

Переключение стереотипа восприятия слова *авитаминоз* обусловлено отталкиванием от актуального для описанной ситуации смысла («нехватка витаминов как причина лени»), что притягивает к данному стимулу конкретизирующие ассоциаты: *витамин «А»* (по формальному буквенному отождествлению, определившему подмену значения приставки с отрицательным значением названием вида витаминов); *витамин «В»* (как смысловое развитие ассоциативной цепочки при введении нового формального элемента в состав слова) и «*ВСЕ*» (обобщающий ассоциат, представленный как мотивирующий корневой элемент в слове *ВСЕ-витаминоз*, которое получает значение «полное отсутствие витаминов в организме»).

Коннотации, определяющие ассоциативную идентификацию слов в высказывании, могут маркироваться актуальным для коммуникантов лингвистическим символом (например, профессиональным термином). Вот типичный пример из разговора двух профессоров-филологов:

– *В Москве все дорого. Вон там на углу пельменная, но она нам не по карману. А еще рядом пиццерия, но...*

– *Все понятно: пельменная и пиццерия – **однокоренные** слова!*

Но каким бы ни был использованный прием ЯИ, во всех случаях лексический фон в речевом контексте предстает как компонент, психологически адекватный ситуации и актуальному для говорящих смыслу высказывания.

Все сказанное еще раз доказывает конгруэнтность основных компонентов психологической модели значения (динамической природы его основных компонентов: «значения» как закрепленного в сознании носителей языка «объективно общественного смысла слова», «личностного смысла» и «чувственной ткани» – см. [Леонтьев 1971: 11]) и психолингвистической в своей основе интегральной концепции лексического значения, ориентированной не только на денотативно-понятийное содержание знака, но

и на «отражение в значении условий акта общения, отношения говорящих к предмету речи, «эмпирический компонент», включающий знание говорящих о референтах, составляющих потенциальную зону денотации, системно-функциональную (собственно языковую) характеристику (значимость слова в реализации системных оппозиций» [Стернин 1979, 1985].

Таким образом, ассоциативная стратегия ЯИ открывает разнообразные возможности интерпретации вербальных знаков как психологически реального феномена сознания и коммуникативной компетенции говорящих. Особо подчеркнем при этом, что ассоциативный потенциал слова, реализуемый механизмами ЯИ, включает в себя *любой* из компонентов его реального психологического значения, любые проекции визуального или личностно-актуального смысла слова, сопряженные с восприятием и интерпретацией формы и содержания знака.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М., 1971.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М., 2006.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж, 1985.

Стернин И.А. Проблемы анализа лексического значения слова. – Воронеж, 1979.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального изучения творчества //Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, В.В.Петухова. – М., 1981.

©Гридина Т.А., 2006